

Ю. И. Мошник, М. В. Ефимов

**ПАУЛЬ НИКОЛАИ (1777–1866) —
РОССИЙСКИЙ ПОСОЛ В ДАНИИ
И ВЛАДЕЛЕЦ ВЫБОРГСКОГО ИМЕНИЯ МОНРЕПО
(к 235-летию со дня рождения)**

В 2012 году исполнилось 235 лет со дня рождения Пауля (Павла Андреевича) фон Николаи (5/16 июня 1777, Санкт-Петербург — 16/28 апреля 1866, Монрепо), крупного российского дипломата и владельца имения Монрепо в 1820–1866 годах.

Оставленный Паулем Николаи обширный архив до настоящего времени почти не исследован. Наши знания о биографии и личности этого человека по-прежнему фрагментарны и неполны¹; данное сообщение предлагает все еще вынужденно общий контур биографии П. Николаи.

В 1786 году, в восьмилетнем возрасте, Пауль был отправлен родителями, Людвигом Генрихом Николаи и Иоганной Маргаретой Николаи, в немецкий город Эйтин; Пауля в Германию повез хороший знакомый Николаи граф Фридрих Леопольд Штольберг. Штольберг был подданным Дании, несколько лет прослужил посланником князя-епископа Любекского в Копенгагене, позднее стал датским посланником при дворе Фридриха Великого. Возможно, именно во время этой поездки Пауль Николаи впервые услышал рассказ о Датском королевстве, с которым много лет спустя будет связана его дипломатическая карьера.

В Эйтине П. Николаи получал образование под руководством выдающегося немецкого поэта и переводчика И.Г. Фосса и жил в его доме на правах члена семьи². Отец Пауля, Людвиг Генрих, вел оживленную переписку с сыном и его учителем. О характере отношений между семьями Николаи и Фосса свидетельствуют, в частности, письма Л.Г. Николаи к сыну Паулю

во время пребывания последнего в Эйтине³. После жизни в доме Фосса Пауль обучался в Эрлангенском университете (близ Нюрнберга)⁴.

Родители избрали для Пауля дипломатическую службу. Вся последующая биография Пауля свидетельствует о том, что этот выбор был верен: Пауль Николаи сделал блестящую дипломатическую карьеру. Первые десятилетия службы Пауля пришлись на годы Наполеоновских войн, изменивших весь строй европейской политической жизни.

В 1796 году он поступил на службу в Коллегию иностранных дел и был причислен к канцелярии вице-канцлера князя Алексея Борисовича Куракина (1752–1818). В январе 1800 года определен в российскую миссию в Лондоне, а уже в ноябре 1800-го назначен сверхштатным чиновником российской миссии в Копенгагене. С мая 1801 года Николаи — секретарь российской миссии в Лондоне; в 1802 году ему вследствие отъезда из Лондона российского посла пришлось исполнять в течение семи месяцев должность российского поверенного в делах (*chargé d'affaires*).

Во время пребывания в Англии Николаи служил под началом друга своего отца С.Р. Воронцова, российского посла в Лондоне. Как пишет Р. Кнапас, «[о]тчасти именно через посредство семьи Воронцовых Пауль Николаи познакомился в Лондоне со многими англичанами. Сын посла, Михаил Семенович Воронцов <...> был несколькими годами младше Пауля. Присутствие в библиотеке Монрепо томов, принадлежавших Михаилу Воронцову, по-своему свидетельствует о весьма тесных отношениях, установившихся между семьями. Некоторые книги библиотеки снабжены неожиданной владельческой надписью: “Breakfast Room, Wilton House”. Ключ к объяснению дает семья российского посла: дочь Семена Воронцова Екатерина была замужем за графом Пемброком, владельцем Уилтон Хаус. Пауль Николаи, вне всякого сомнения, часто посещал замок Уилтон Хаус, знаменитый своим обширным парком; возможно, он забывал вернуть книги, взятые почитать в замке, в комнате для завтрака»⁵. С сыном С.Р. Воронцова М.С. Воронцовым Пауля и в дальнейшем связывала многолетняя дружба⁶.

С августа 1804 года Пауль Николаи — советник российского посольства в Лондоне⁷. В 1805–1806 годах ему в продолжение почти целого года пришлось вновь исполнять должность российского поверенного в делах.

Жизнь в Англии дала Паулю возможность близко познакомиться и с английской литературой, и с английской теорией создания ландшафтных парков. Можно предположить, что именно в Англии зародился интерес П. Николаи к художественному направлению неоготики, нашедшему впо-

следствии отражение в имении Монрепо (въездные ворота, капелла Людвигсбург).

В 1808 году П. Николаи находился на службе в Коллегии иностранных дел. 24 февраля 1810 года Николаи был назначен полномочным комиссаром для размежевания земель между Россией и Швецией. Пауль «воспользовался этим, чтобы установить связи с представителями местного общества. В архиве поместья сохранились письма на французском языке Матиаса Кастрена и на латинском языке Матиаса Колстрёма, которые были лютеранскими пасторами соответственно в Кеми и Муонио»⁸.

В июле 1811 года Николаи назначен советником посольства в Стокгольме с возложением на него обязанностей поверенного в делах. В декабре того же 1811 года ему было пожаловано звание камер-юнкера.

В 1811 году произошло, пожалуй, важнейшее событие в личной жизни П. Николаи: он женился на принцессе Александрине-Симплиции де Бройль (Бройль) (1787–1824). По словам самого Пауля, Александрина была в их доме любимицей, и Людвиг Генрих относился к ней по-отечески. Женидьба на представительнице древнего аристократического рода из среды французских эмигрантов-роялистов, безусловно, повысила социальный статус семьи Николаи. Благодаря этому браку семья Николаи породнилась со многими знатными европейскими семьями. Свадьба Пауля и Александрины состоялась в 14/26 февраля 1811 года в Монрепо⁹.

30 августа 1812 года Николаи был переведен советником посольства в Лондон, где ему было поручено особенно ответственное и сложное в то время управление российским посольством в звании поверенного в делах. В июле 1814-го Николаи был произведен в действительные статские советники.

В мае 1816 года Пауль был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Копенгагене; в этой должности он оставался более тридцати лет, до 1847 года. В Дании родились его сыновья Николас Арманд Мишель, Людвиг Эрнст и Александр, дочь Симплиция.

Служба Пауля Николаи в качестве чрезвычайного посланника России в Копенгагене пришлась на сложный для Дании период государственных преобразований, экономического спада, ставшего следствием войны, и медленной стабилизации.

На фоне политических и экономических потрясений стремительно развивались датская литература и философия. Именно эти годы (1820–1840) стали периодом их расцвета. Однако этот небывалый подъем остался почти незамеченным для Пауля. В библиотеке имения Монрепо среди приобре-

тенных им в Дании книг мы не найдем ни одного издания Андерсена. Нет в ней трудов Кьеркегора, пьес Мёллера и Хейберга, повестей Блихера. Сын известного в свое время литератора, писавшего и дидактические сказки, и исторические новеллы, Пауль, по всей видимости, остался равнодушен к романтической литературе Дании, сделав исключение только для тех авторов, которые в своих произведениях обращались к древней истории Скандинавии. В книжном собрании Монрепо есть несколько томов Эленшлегера, величайшего датского романтического поэта, «Вальдемар» Ингемана; произведения Людвиг Хольберга представлены не драматургией, а трудами по истории и сатирическими новеллами.

Пауль Николаи был всерьез увлечен историей Скандинавии и северными сагами¹⁰. Он поддерживал отношения с Королевским обществом антиквариата Севера (“*Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab*”); в библиотеке усадьбы Монрепо сохранились издания исландских саг и исследования по скандинавской и финской мифологии и фольклору, включая “*Mythologia fennica*” Кристфрида Ганандера, а также многочисленные труды Габриэля Портана. Библиографические данные позволяют предположить, что эти книги были приобретены для семейной библиотеки именно Паулем.

За все годы службы Пауль почти не отлучался из Дании, лишь изредка пользуясь отпусками, во время которых уезжал домой в Монрепо. «В 1816–1817 годах П. Николаи сопровождал в ознакомительной и учебной поездке в Англию великого князя Николая, будущего императора Николая I, а в 1818-м в аналогичном путешествии — великого князя Михаила. В составе документов Архива усадьбы Монрепо (ныне хранится в г. Хельсинки. — Ю.М., М.Е.) имеется переписка П. Николаи и императрицы-матери Марии Федоровны, касающаяся этих событий»¹¹. За успешное исполнение этого поручения Николаи был награжден орденом св. Анны 1-й степени.

Расцвет дипломатической карьеры П. Николаи совпал с «эпохой Нессельроде» в истории российской внешней политики¹². Сокрушительный для России результат политики Нессельроде и Николая I общеизвестен, однако заметим, что на своем посту П. Николаи способствовал укреплению взаимоотношений между Россией и Данией, которые уже во 2-й половине XIX века имели результатом династический брак между принцессой из датской королевской династии и российским наследником престола. «В архиве семьи Николаи насчитывается изрядное количество частных писем к Паулю российского министра иностранных дел Карла Роберта Нессельроде, его многолетнего начальника¹³. Пауль Николаи поддерживал тесные отно-

шения и с государственным секретарем Иоаннисом (Иваном) Каподистрией¹⁴, который, находясь на службе в Министерстве иностранных дел России, работал во имя общих интересов России и Греции в средиземноморском бассейне — вплоть до своего избрания в 1827 году первым президентом независимой Греции»¹⁵.

16 марта 1824 года в Копенгагене умерла жена Пауля Николаи Александрина-Симплиция, «несколько дней спустя после рождения десятого ребенка. Гроб с ее телом был привезен в Выборг осенью следующего года и помещен в склепе [на острове] Людвигштайн, где уже находились гробы Людвиг и Иоганна фон Николаи, а также двух рано умерших сыновей Александрины и Пауля»¹⁶.

В июле 1825 года Николаи был произведен в тайные советники¹⁷, а в 1828-м возведен в баронское достоинство Великого княжества Финляндского.

Сопровождавший когда-то в поездке по Англии будущего императора Николая, Пауль Николаи — уже как владелец имения — принимал в Монрепо в 1830 году Николая I во время императорского визита в Выборг¹⁸. В 1834 году по утвержденному Сенатом прошению, поданному Паулем ради дальнейшего сохранения имения в целостности, Монрепо становится заповедным непродажным имением баронского рода Николаи с наследованием по праву первородства.

В декабре 1843 года П. Николаи был произведен в действительные тайные советники. 30 апреля 1847 года он был уволен от службы, после чего почти безвыездно жил в своем родовом имении Монрепо. Выйдя в отставку, Пауль Николаи покинул свой дом и летнюю резиденцию в Копенгагене. Многочисленные художественные ценности, собранные им во время службы в Дании, он планировал перевезти в свою финляндскую усадьбу. Скульптуры и картины были упакованы, погружены на корабль, но до Монрепо так никогда не добрались. Корабль затонул, и можно только догадываться о том, какие произведения были безвозвратно потеряны и для Дании, и для России.

«За годы, проведенные в Монрепо, Пауль привел в порядок документы, оставшиеся от отца, тщательно распределив письма по папкам, снабженным краткими комментариями на французском языке. Он рассортировал и свои собственные бумаги, письма и документы, большая часть которых имеет отношение к его дипломатической карьере»¹⁹. В 1855 году в Монрепо Николаи принимал великого князя Николая Николаевича²⁰, а в 1863-м — императора Александра II, ехавшего в Гельсингфорс на открытие Сейма Великого княжества Финляндского.

П. Николаи умер в возрасте 89 лет; «[н]акануне кончины Пауля, в апреле 1866 года, император отправил ему телеграмму, осведомляясь о состоянии его здоровья»²¹. Он был похоронен в Монрепо на фамильном кладбище на острове Людвигсбург.

Редко бывавший в имении при жизни своего отца, Пауль, однако же, был сильно привязан к Монрепо и, унаследовав его в 1820 году, делал все что мог для его благоустройства и процветания. Самые узнаваемые архитектурные сооружения в парке появились в те годы, когда Монрепо принадлежало Паулю: капелла Людвигсбург на острове-некрополе Людвигштайн, мраморный обелиск в память о братьях Броглио, скульптура Вяйнемёйна, псевдоготические входные ворота, украшенные фамильным гербом, павильон над источником «Нарцисс». Увлекавшийся садоводством Пауль еще в годы учебы принимал участие в обустройстве сада: присылал из Европы семена цветов, ботанические статьи, проекты оформления видовых площадок. Впоследствии, уже живя в Монрепо, Николаи стал страстным садоводом²². Именно при Пауле Николаи был создан ряд наиболее известных изображений Монрепо. В 1840 году в Копенгагене Пауль осуществил иллюстрированное переиздание поэмы своего отца о Монрепо, снабженное собственными примечаниями.

У нас есть редкая возможность увидеть парк Монрепо 1840-х годов глазами его владельца, для которого горячая любовь к родовому имению и хозяйственные заботы слиты воедино. Сравнивая Монрепо со своей летней резиденцией под Копенгагеном, Пауль писал в Берлин старшему сыну Николасу в июле 1842 года о текущих работах в имении: «...никогда еще наш милый Монрепо не казался мне столь восхитительным: с тех пор как мы здесь, погода стоит лучше, чем в Ньегорде, ни малейшего дуновения ветра, море как зеркало, только более яркое. Воистину, небо оказывает нам покровительство с того момента, как мы приехали в это чудное место, и можешь себе представить, как мы наслаждаемся погожими днями, которыми я воспользовался для того, чтобы улучшить это прелестное творение»²³.

Работы по улучшению «прелестного творения» обходились Паулю недешево: Франс Петер фон Кнорринг в своей книге 1833 года отмечал, что расходы на усадьбу превышают доходы от нее; вероятно, «имелось в виду, что содержание парка стоило больше, чем усадьба давала продуктов сельского хозяйства»²⁴. Помимо обучения семерых детей, требующего ощутимых расходов, и содержания Монрепо, расходы включали содержание школы для мальчиков в Петербурге, дома в Копенгагене и датской летней резиденции в Ньегорде²⁵.

Работы по содержанию парка сопровождались и огорчениями для Пауля. Исследовавший этот вопрос С. Хирн пишет, что после того, как в сентябре 1825 года Николаи заметил в парке пьяных посетителей, было объявлено, что доступ в парк посторонним будет разрешен только по праздникам. Некоторое время спустя, однако, это распоряжение было отменено, и свободный доступ в парк в летнее время был восстановлен. В 1827 году выборгский магистрат объявил, что парк дозволено посещать только привилегированным слоям общества: «Вход в парк Монрепо отныне запрещен для всех классов общества, кроме представителей сословий, ибо во время гуляний причиняется урон и другие непристойности производятся». Летом 1828 года было объявлено, что для входа в парк вводятся специальные пропуска, на которых должна стоять собственноручная подпись Николаи. Даны были строгие инструкции не допускать сюда простонародье и детей.

В 1830 году были введены новые пропуска и запрещена передача их другому лицу, кроме членов семьи. Постепенно доступ в парк был ограничен исключительно второй половиной дня по воскресеньям. В 1835 году академик, географ Петер фон Кеппен (Peter von K rpen, 1793–1864) под псевдонимом опубликовал небольшой путевой очерк, где выразил разочарование по поводу того, что в Монрепо в такой малой степени уделяют внимание путешественнику. В своем явно раздраженном ответе П. Николаи выразил недоумение тем, что постороннее лицо берется указывать, как следует владельцу распоряжаться своей собственностью. Устраивать забавы и развлечения для гостей совсем не входит в интересы хозяина. Автору путевого очерка было указано, насколько нелепа высказанная им мысль, поскольку от посещающих парк лиц происходят только неприятности. В итоге барон Николаи счел нужным закрыть парк для всех лиц, невзирая на чин и звание. В мае 1836 года, однако, парк вновь был открыт для посетителей по воскресеньям при наличии годовых входных билетов²⁶.

После выхода в отставку в 1847 году Пауль ввел новые правила для посетителей парка, сохранявшие свою силу и после его смерти. Он неоднократно заявлял о своем положительном отношении к посещению парка посторонними лицами, хотя по своему возрасту и складу характера предпочитал покой и уединение. Плата за посещение парка по желанию владельца шла в пользу бедных горожан. Она составляла пять серебряных копеек с человека по воскресеньям, а в будние дни — не менее 10 копеек. Однако парк и в это время не был застрахован от нежелательных вторжений. В 1856 году хулиганы вставили в рот Вьяйням йна окурок сигареты. По словам С. Хирна, «это была неуместная шутка, но гораздо большей была

опасность, на которую барон пророчески намекал: “Подобные грубые развлеченья могут привести к полному разрушению статуи”²⁷.

Эва Руофф так охарактеризовала роль Пауля Николаи в истории парка Монрепо: «Вклад Пауля фон Николаи в обустройство Монрепо был очень значителен, но это была прежде всего упорная, невидимая внешнему глазу работа по сохранению уже достигнутого»²⁸. Иначе видится значение Пауля Райнеру Кнапасу: «[М]ожно сказать, что художественные и литературные сокровища, собранные в Монрепо и представленные в его коллекциях, несут на себе след Людвиг Генриха в том, что относится к XVIII веку, и Пауля, когда речь идет о начале XIX-го»²⁹. Представляется, что вклад П. Николаи в историю парка Монрепо можно описать как два одновременных процесса: с одной стороны, завершение замыслов отца и поддержание родительского парка в надлежащем порядке, с другой — внесение в парковое пространство новых и принципиально важных элементов, которые, не опираясь на предшествующие замыслы Л.Г. Николаи, стали органичной и полноценной частью паркового ландшафта. Сыновнее почтение, многократно засвидетельствованное самим Паулем, не было препятствием для его проектов в парке своего отца. И отец, и сын в полной мере могут быть названы соавторами парка Монрепо.

* * *

¹ До настоящего времени сведения о П. Николаи на русском языке можно найти в немногочисленных публикациях: *Болгов В.А.* Де Бройли и Николаи. К истории родственных отношений // Монрепо: альманах / ред.-сост. М.В. Ефимов, Ю.И. Мошник. Выборг, 2010. С. 97–101; *Дмитриева Н.В.* Усадьба Монрепо под Выборгом: страницы истории // Выборгский район Ленинградской области. Краеведческий сборник. СПб., 2009. С. 151–160; *Кицук А.А.* Парк Монрепо в Выборге. СПб., 2001; *Мошник Ю.И.* Об одном «датском сюжете» в истории Монрепо // Новый берег [Копенгаген]. 2010. № 28. С. 59–61.

² Именно в эти годы Фосс работал над своими знаменитыми переводами античных классиков (*Ruoff E.* Monrepos: muistojen puutarha. Helsinki, 1993. S. 261). В 1789 году опубликован перевод Вергилия, в 1793-м — перевод «Илиады». Подробнее о Фоссе и семье Николаи см.: *Мошник Ю.И., Ефимов М.В.* Петербургские связи И.Г. Фосса // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2009. Вып. 5. С. 127–139.

³ См., например, письмо Л.Г. Николаи от 11(22).10.1788 (подлинник — в Архиве Музейного ведомства Финляндии. Ф. Монrepos. Кор. 2. № 27): «А для тебя и для всей семьи Фоссов мы хотим найти помещение, когда вы приедете. Будь здоров, дорогой мальчик. Поцелуй ручку твоей матери и обнимай своих братьев» (цит. по: Научный архив ГИАПМЗ «Парк Монрепо». Т. А-6. Пер. с нем. С.Г. Халипова).

Отметим, что в годы пребывания Пауля Николаи в доме Фосса (1785–1796) его отец, Л.Г. Николаи, являлся личным секретарем будущего императора Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны.

⁴ Университет был основан в 1742 году маркграфом Фридрихом Байрейтским и его женой Вильгельминой, сестрой Фридриха Великого. В 1820–1827 годах в университете читал лекции Ф. Шеллинг. Среди выпускников Эрлангенского университета в XIX веке были Ф. Рюккерт, А. фон Платен и др.

⁵ *Кнапас Р.* Пауль Николаи — наследник Монрепо. Глава из книги «Монрепо: Аркадия эпохи Просвещения» / пер. с фр. Н. Дмитриевой // Монрепо: альманах. 2010. С. 156.

⁶ См.: *Галиченко А.А.* Скальные парки Алупки и Монрепо // Монрепо: альманах. С. 75.

⁷ Об эпизоде 1804 года из деятельности П. Николаи в этой должности см.: *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1996. С. 62. (Серия «Современная западная русистика»).

⁸ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 156.

⁹ У Пауля и Александрины Симплиции было многочисленное потомство: сыновья — Николаус Мишель Арманд (Николай), Александр, Людвиг Эрнст (Леонтий), дочери — Мария Луиза Паулина, Октавия Джейн Катрин Александра, Александрина Катрин Генриетта, Симплиция Паулина Луиза. (О судьбах детей Пауля Николаи см.: *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 158.) Мария, Октавия и Александра были фрейлинами императорского двора. В.А. Болгов указывает «январь 1811 года» (*Болгов В.А.* Указ. соч. С. 97–101).

Благодарим М.Ю. Катина-Ярцева (Москва) за любезно предоставленные сведения.

¹⁰ Напомним, что в 1820–1830-е годы широкое распространение получил скандинавизм — литературно-идейное движение, ставившее своей целью преодоление культурной обособленности Скандинавских стран посредством обращения к их общему историческому и культурному наследию.

¹¹ *Дмитриева Н.В.* Указ. соч. С. 156.

¹² К.В. Нессельроде (1780–1862) занимал пост российского министра иностранных дел в 1816–1856 годах.

¹³ Добавим, что, как пишет О. Юссилла, при подготовке постановления о торговле 1835 года Нессельроде был «[е]динственным министром Николая I, который поддержал представителей Финляндии» (*Юссилла О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998. С. 37).

¹⁴ Каподистрия Иоанн, граф (Kapodistrias (Capo D'istria), Ioánnis Antónios, 1776–1831) — российский и греческий государственный деятель. Родился на о-ве Корфу. По окончании Падуанского университета — на дипломатической службе. В 1802 году ему было поручено объехать большую часть Ионических о-вов, ввести там русские гарнизоны и устроить гражданское управление. В 1803 году назначен статс-секретарем республики Ионических о-вов по иностранным делам, в 1807-м —

начальником милиции. В 1809 году поступил на службу в российскую Коллегию иностранных дел. В 1811 году назначен секретарем русского посольства в Вене, занимался выработкой проекта устройства присоединенной к России Бессарабии. В 1813 году сопровождал Александра I в качестве начальника канцелярии, затем был послан в Швейцарию с поручением привлечь ее к союзу против Наполеона, в 1815 году ему пожаловано звание статс-секретаря. В 1816–1822 годах — российский министр иностранных дел. В апреле 1827 года народным собранием в греческом г. Трезене избран председателем греческого правительства (президентом). 9 октября 1831 года убит в Навплии (Греция).

¹⁵ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 157.

¹⁶ *Ruoff E.* Op. cit. S. 74.

¹⁷ За несколько лет до этого, в июле 1822 года, по повелению Александра I Паулю Николаи были пожалованы земли на 12 лет аренды в Минской губернии (в староствах Велятицком и Ольшевицком).

¹⁸ *Ruoff E.* Op. cit. S. 80.

¹⁹ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 160.

²⁰ *Ruoff E.* Op. cit. S. 80.

²¹ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 161.

²² «Например, 19 августа 1835 г. он [Пауль Николаи] с гордостью сообщал своему сыну Николасу, что в этот день у него в Монрепо на десерт подадут арбузы, вишню и дыни, виноград и инжир — и все это из собственного сада <...> В одном из писем за февраль 1856 года Пауль Николаи, например, упоминает, что, хоть сад и погребен под огромными снежными сугробами, его кабинет наполнен благоуханием гиацинтов» (*Ruoff E.* Op. cit. S. 64).

²³ Цит. по: *Ruoff E.* Op. cit. S. 79.

²⁴ *Ruoff E.* Op. cit. S. 80.

²⁵ *Idem.*

²⁶ Жалобы П. Николаи на вытаптывание полян и порчу памятников возобновились в 1841 году.

²⁷ *Hirn S.* “Vihantaa Viipuria” (Monrepos) // Viipuri Suomalaisen Kirjallisuuseuran toimitteita. I. Helsinki, 1976 (пер. с фин. В. Дмитриева). Цит. по: *Ефимов М.В., Мошник Ю.И.* Парк Монрепо в XX веке: Страницы истории. СПб., 2010. С. 30–32.

²⁸ *Ruoff E.* Op. cit. S. 78.

²⁹ *Кнапас Р.* Указ. соч. С. 158.